

А. А. Богустов,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры гражданского и международного права
Гродненского филиала «БИП — Институт правоведения»
(г. Гродно, Республика Беларусь)

УДК 347.251.01 (438)

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ВЛАДЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПОЛЬШИ

Исследуются понятие и виды владения в Гражданском кодексе Польши. Проводится сравнение данного понятия в ГК Польши 1964 г. и в Декрете о собственности 1946 г. Анализируется соотношение понятия и видов владения в польском праве и праве Германии, Франции и Австрии.

Ключевые слова: гражданское право, Гражданский кодекс Польши, понятие владения, виды владения.

Одним из признаков, характеризующих гражданско-правовую систему стран континентальной Европы, является признание самостоятельного характера владения, которое не поглощается ни правом собственности, ни ограниченными вещными правами. Этот институт лишь недавно начал получать закрепление в законодательстве стран бывшего СССР. При этом признание самостоятельного характера владения называется в числе достижений национальной правовой мысли. Например, Г. Хубау указывает: «В грузинском правоведении достоинством Гражданского Кодекса Грузии признается разграничение между владением и собственностью» [1].

Нетипичность института владения для ранее существовавшего гражданского законодательства усиливает значимость сравнительно-правовых исследований, причем значительный интерес представляет анализ законодательства стран Восточной Европы, относившихся ранее к социалистической системе права. К числу таких стран относится, например, Польша.

Проведение сравнительно-правового исследования института владения в праве Польши на наш взгляд является актуальным по нескольким причинам.

Во-первых, польское право является примером естественного развития регулирования отношений владения, поскольку отказа от этого института не произошло даже в законодательстве ПНР. Так, нормы о владении содержались еще в Декрете о вещном праве от 11 октября 1946 г. (ст.ст. 296–315) [2]. На наш взгляд, это можно объяснить тем, что «в отличие от СССР в Польше периода социализма сохранялся институт частной собственности, а также некоторая свобода частного торгового оборота» [3, с. 521]. Содержащиеся в этом документе правила легли затем в основу регулирования отношений владения в ГК Польши 1964 г. (ст.ст. 336–352) [4]. Именно полное неприятие частной собственности и, в первую очередь, частной собственности на землю и иное недвижимое имущество сделало невозможным признание этого института советской правовой доктриной. Так, например, в 20-х р. XX в. на основании того, что государство является монопольным владельцем бесхозяйного имущества, П. Стучка делал следующий вывод: владение «вообще исчезнет из советского кодекса в ближайшем будущем как лишнее понятие» [5, с. 439–440].

Во-вторых, проведение сравнительно-правового анализа института владения в польском праве позволяет исследовать более общую проблему — проблему взаимного

влияния гражданско-правовых систем европейских государств. На формирование современного гражданского права Польши в силу исторических причин оказали влияние гражданские кодексы Германии [6] (далее — ГГУ), Франции [7] (далее — ФГК), Австрии [8] (далее — ГК Австрии). Исследование влияния законодательства указанных государств на формирование института владения в праве Польши может проиллюстрировать процесс «сближения — «гармонизации» — права разных стран ... путем добровольного заимствования (рецепции) права — отдельных институтов, норм другого государства» [9, с. 32].

В-третьих, владение относится к числу достаточно консервативных институтов гражданского права, исторические корни которого можно найти еще в римском частном праве. Однако использование любого исторически сложившегося института в современном законодательстве требует его адаптации к сложившимся в конкретной стране социально-экономическим потребностям. Сравнительно-правовой анализ института владения в польском праве позволяет выявить механизмы и границы подобной адаптации.

В законодательстве и доктрине Польши владение (*posiadanie*) трактуется как независимый правовой институт, который не относится ни к праву собственности, ни к ограниченным вещным правам. Независимость владения подтверждается системой ГК Польши. В книге второй «Собственность и иные вещные права» владению, так же как праву собственности (титул I), вечному пользованию (титул II) и ограниченным вещным правам (титул III), посвящен отдельный титул (титул IV). Подобное определение места владения в системе гражданского права воспринято из Декрета 1946 года, в котором данному правовому институту был посвящен титул XI. Из этого можно сделать вывод, что при определении места владения в системе гражданского права в Польше применяется модель, используемая германской подсистемой континентальной системы права. Так, самостоятельный характер владения закрепляется в разделе I книги III ГГУ и I отделе раздела I части II ГК Австрии. Отечественные исследователи, основываясь на анализе законодательства стран континентальной системы права, объясняют это явление тем, что владению «не свойственны основные квалифицирующие признаки вещного права: право следования, правовое господство лица над вещью, производность владения от права собственности; объектами владения не всегда выступают целостные и телесные вещи; отсутствуют правомочия пользования и распоряжения вещью; основания приобретения и утраты владения существенно отличаются от оснований приобретения и прекращения вещных прав» [10, с. 8]. Польские авторы указывают, что «не удастся убедительно обосновать точку зрения о том, что владение является «полноценным» ограниченным вещным правом» [11, с. 266].

Во французском же праве, несмотря на наличие комплекса норм, регулирующих отношения, связанные с владением (ст.ст. 2228–2235 ФГК), оно «отнесено к сфере вещных прав и регулируется в рамках регламентирования прав собственности, хотя может касаться и других вещных прав» [12, с. 409].

ГК Польши не содержит обобщенного понятия владения, а лишь указывает на критерии его возникновения, виды и последствия его установления. Это в полной мере соответствует подходам, господствующим в германской подсистеме гражданского права. Говоря об определении этого понятия в немецком праве, А. В. Томсинова справедливо указывает, что: «Общепринятого определения понятия «владение» нет ни в теории, ни в законе, и это вполне логично. Определение, как всякое обобщение, не может не искажать сущности того явления, которое описывает» [13, с. 117]. Вышесказанное в полной мере относится и к польскому законодательству и правовой доктрине.

Для проведения дальнейшего анализа следует обратить внимание на то, что в основе построения национального законодательства стран континентальной системы права о владении лежат разные теоретические предпосылки — субъективная теория владения Ф. К. фон Савиньи и объективная теория Р. фон Иеринга. Не

останавливаясь подробно на исследовании сущности указанных теорий, подробно рассмотренных в научной литературе еще на рубеже XIX–XX веков [14, с. 223–235; 15, с. 219–220], для целей данной работы достаточно будет лишь упомянуть, что теория Ф. К. фон Савиньи определяет владение как «фактическое господство лица над вещью, соединенное с желанием считать вещь своею собственною и не признавать никого другого собственником ее (так назыв. *animus domini*)» [15, с. 219]. Теория Р. фон Иеринга состоит в том, что «существо владения полагается единственно только в фактической власти лица над вещью, во внешнем господстве над нею, или, выражаясь привычными терминами, для наличности владения оказывается необходимым только *corpus possessionis*; реквизиит же *animus possessionis* совершенно оставлен» [16, с. 97].

Указанные теории обусловили различия в подходах в определении владения в праве Германии и Франции, а вслед за ними — и в законодательстве государств романской и германской подсистем гражданского права. Теория Р. фон Иеринга легла в основу предписаний о владении, содержащихся в немецком праве. Так, из абз. 1 § 854 ГГУ следует, что «владение вещью приобретается достижением фактического господства над вещью». Теория Ф. К. фон Савиньи находит отражение во французском и австрийском праве. Например, ФГК отличает владение «для себя и как собственник» (ст. 2230 ФГК) и временное держание — владение «для другого» (ст. 2231 и ст. 2235 ФГК). В § 309 ГК Австрии установлено, что тот, кто имеет в своей власти или фактическом обладании вещь, является держателем, а владелец — это тот, кто «имеет волю оставить вещь за собой как свою».

Несмотря на то, что при определении места владения в системе гражданского права польское законодательство использует немецкую модель, в вопросе о его классификации ГК Польши следует французскому образцу. Из ст. 336 ГК Польши следует, что владельцем вещи в равной степени является тот, кто ею фактически обладает как собственник (самостоятельное владение), так и тот, кто ею фактически владеет как пользователь, залогодержатель, наниматель, арендатор либо лицо, имеющее иное право, с которым связывается определенное господство над вещью (зависимое владение). При этом тот, кто фактически владеет вещью за кого-либо иного, является держателем (ст. 338 ГК Польши). Содержание этих статей практически дословно повторяет положения ст. 296 и 297 Декрета 1946 года. Таким образом, можно говорить о том, что влияние на формирование польского права субъективной теории владения Ф. К. фон Савиньи и воспринявшего ее французского и австрийского законодательства носит традиционный характер.

Из анализа ГК Польши следует, что основными критериями классификации выступают деление владения на самостоятельное и зависимое (опосредованное), добросовестное и недобросовестное. Хотя можно указать на существование и иных разновидностей данного правового института — законного и незаконного владения, владения вещами и владения правами и т.д.

Классификация владения на самостоятельное и зависимое (опосредованное) обусловлена его объемом и пределами, традиционно закрепляется в гражданском законодательстве рассматриваемой группы государств (§ 868–872 ГГУ, § 314 ГК Австрии, ст.ст. 2228–2030 ФГК). Но особенностью польского права является достаточно подробное определение правовых последствий подобной классификации.

Во-первых, законодательство содержит правила, направленные на разрешение коллизии самостоятельного и зависимого владения. Эти правила состоят в следующем:

— устанавливается, что «самостоятельный владелец не утрачивает владения тем, что передает вещь иному лицу в зависимое владение» (ст. 337 ГК Польши). На содержание указанного положения можно обнаружить влияние французского законодательства, которое предусматривает, что когда началось владение для другого, то презюмируется, что владение осуществляется в том же качестве (ст. 2031 ФГК);

— закрепляется презумпция самостоятельности владения. ГК Польши устанавливает: «предполагается, что тот, кто фактически владеет вещью, является самостоятельным владельцем» (ст. 339). И в данном случае можно обнаружить следование польского законодательства французскому образцу (ст. 2030 ФГК: «Всегда предполагается, что каждый владеет для себя и как собственник, если не доказано, что владение началось для другого»). В польской литературе совершенно справедливо отмечается, что ст. 339 ГК, по сути, закрепляет не одну, а две презумпции: «Прежде всего, из этого следует вывод, что тот, кто фактически обладает вещью, — это владелец (а не держатель). Далее появляется неопровержимая презумпция, что он является самостоятельным (а не зависимым) владельцем» [11, с. 273]. Формулировка, содержащаяся в ст. 339 ГК Польши, несколько расширила положения Декрета 1946 г., который лишь закреплял презумпцию владения лица, фактически обладающего вещью (ст. 298 Декрета).

Во-вторых, ГК Польши использует понятия самостоятельного и зависимого владения при регламентации порядка передачи владения. Общее правило, касающееся передачи владения, состоит в том, что оно осуществляется путем выдачи вещи либо документов, предоставляющих право на распоряжение ею (ст. 348 ГК Польши). При этом дополнительно регламентируются особенности передачи вещи при самостоятельном и зависимом владении. Например, в качестве способа передачи владения признается трансформация самостоятельного владения в зависимое либо в держание в результате возникновения соответствующего отношения между сторонами (ст. 349 ГК Польши). Помимо этого закрепляется правило о том, что при нахождении вещи в зависимом владении либо держании третьего лица передача самостоятельного владения осуществляется путем заключения соглашения между сторонами и уведомления зависимого владельца либо держателя (ст. 350 ГК Польши).

В-третьих, самостоятельность либо зависимость владения имеет значение при решении вопроса о соотношении владения с иными институтами гражданского права. Так, только самостоятельное владение выступает основанием возникновения права собственности в результате истечения срока приобретательной давности (ст.ст. 172 и 174 ГК Польши). Кроме того, исходя из анализа ст.ст. 222–231 ГК Польши, только самостоятельный владелец выступает субъектом отношений, возникающих в результате предъявления виндикационного иска.

Не менее важным, с теоретической и практической точки зрения, выглядит деление владения на добросовестное и недобросовестное. ГК Польши не содержит определения добросовестного владения, но в доктрине высказывается мнение, что «добросовестный владелец — это лицо, которое придерживается ошибочного, но оправданного обстоятельства дела мнения, что ему принадлежит осуществляемое вещное право: право собственности в случае самостоятельного владения, иное вещное право в случае зависимого владения» [11, с. 270]. Декрет 1946 г. устанавливал презумпцию добросовестного владения (ст. 301), которая не нашла отражения в действующем ГК Польши. Однако это не означает отказа от ее применения на практике. В ходе кодификации законодательства добросовестность была закреплена в качестве принципа гражданского права в целом (ст. 7 ГК Польши). В этих условиях законодатель совершенно справедливо посчитал нормативное указание на упомянутую выше презумпцию излишним.

Говоря о значении данной классификации, следует признать, что для регулирования отношений владения самих по себе она играет второстепенную роль. В титуле IV книги второй ГК Польши закрепляются положения, подчеркивающие равенство возможностей добросовестного и недобросовестного владельца. Из ст.ст. 342 и 344 ГК Польши можно сделать вывод, что они в равной степени защищены от самовольного нарушения владения, и, по общему правилу, имеют одинаковую возможность предъявления посессионного иска.

Ситуация коренным образом меняется при решении вопроса о соотношении владения с иными институтами гражданского права: в этих случаях добросовестность либо недобросовестность владения влечет различные юридические последствия.

Во-первых, добросовестность владельца движимого имущества влечет возникновение права собственности на нее с момента установления владения в случае, когда лицо, отчуждавшее вещь, не было на это уполномочено (§ 1 ст. 169 ГК Польши).

Во-вторых, только трехлетнее добросовестное владение вещью является основанием возникновения права собственности на нее, если эта вещь была утрачена, украдена либо иным способом утрачена собственником (§ 2 ст. 169 и ст. 174 ГК Польши).

В-третьих, в соответствии со ст. 172 ГК Польши добросовестность владения сокращает срок приобретательной давности для возникновения права собственности на недвижимое имущество с 30 до 20 лет.

В-четвертых, добросовестность владельца играет роль при определении последствий предъявления к нему собственником вещи виндикационного иска. Так, в соответствии со ст. 224 ГК Польши добросовестный владелец обязан оплатить пользование вещью, несет ответственность за ее износ, виновное повреждение либо уничтожение, должен возратить полученные плоды и доходы лишь с момента, когда он узнал о предъявлении ему виндикационного иска. Это правило имеет очевидное сходство с положениями законодательства германской подсистемы гражданского права. Это следует из анализа § 987 и § 989 ГГУ, касающихся судьбы доходов от пользования вещью и возмещения убытков после возбуждения судебного производства. Для доказательства существования такого сходства можно привести в качестве примера и § 329 и § 330 ГК Австрии, предоставляющие добросовестному владельцу возможность свободно использовать, потреблять и уничтожать вещь и признающие за ним право на плоды.

При этом в соответствии с польским законодательством добросовестный владелец может требовать от собственника возмещения понесенных им до момента, когда он узнал о предъявлении ему виндикационного иска необходимых расходов на содержание имущества в части, не покрытой полученными доходами и иных расходов, которые привели к увеличению стоимости вещи (§ 1 ст. 226 ГК Польши). И в этом случае мы можем наблюдать определенное сходство с требованиями немецкого (§ 994 и § 996 ГГУ) и австрийского (§ 331 ГК Австрии) права.

Кроме того, добросовестный владелец может вернуть имущество в первоначальное состояние и забрать присоединенные к нему вещи, даже если они являются составными его частями, если улучшение имущества было осуществлено им до момента, когда он узнал о предъявлении ему виндикационного иска. В отношении улучшений осуществленных после этого момента добросовестный владелец может лишь потребовать от собственника возмещения их стоимости. Здесь мы также сталкиваемся с развитием национальным законодательством положений германской подсистемы континентальной системы права (абз. 1 § 997 ГГУ).

Недобросовестный владелец находится в более сложном положении в случае предъявления к нему виндикационного иска. В соответствии со ст. 225 ГК Польши он несет в отношении собственника те же обязанности, которые существуют в добросовестного владельца с момента предъявления ему иска. Установление подобного механизма в польском законодательстве также можно объяснить его принадлежностью к германской подсистеме гражданского права, в котором положение недобросовестного владельца аналогично положению добросовестного владельца после предъявления ему виндикационного иска (§ 990 ГГУ и § 338 ГК Австрии).

Помимо этого в соответствии со ст. 225 ГК Польши недобросовестный владелец обязан возместить собственнику упущенную в результате ненадлежащего ведения им дел выгоду и, по общему правилу, отвечает за повреждение либо утрату находящейся во владении вещи. Анализ законодательства стран германской

подсистемы континентальной системы права (например, абз. 2 § 887 ГГУ, § 335 ГК Австрии) позволяет сделать вывод о традиционности подобного подхода.

Недобросовестный владелец имеет меньше возможностей на получение от собственника понесенных за период владения расходов. Он вправе требовать только возврата необходимых расходов и лишь в той степени, в которой собственник в результате этого неосновательно обогатился (§ 2 ст. 226 ГК Польши). И это правило указывает на принадлежность Польши к германской подсистеме гражданского права, поскольку аналогичные положения содержатся в абз. 2 § 994 ГГУ и § 336 ГК Австрии. Отличие состоит в том, что право названных стран отсылает не к нормам о неосновательном обогащении, а к ведению чужих дел без поручения. В соответствии с польским правом недобросовестный владелец может также потребовать от собственника только возмещения стоимости улучшений, приведших к увеличению стоимости вещи (§ 2 ст. 227).

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, не вызывает сомнений высказываемое в литературе мнение, что использование в польском праве доктрины владения как самостоятельного правового института является подтверждением его «концептуальных основ на западноевропейских (французских и германских) цивилистических традициях» [3, с. 521]. Но проведенное сравнительно-правовое исследование показало, что на формирование института владения в польском законодательстве в равной степени оказало влияние как Франции, так и Германии. Французское и польское право исходят из субъективной теории владения при решении вопроса об основаниях его возникновения. При этом в определении места владения в системе права и юридических последствий классификации владения польское законодательство следует немецкому образцу. То есть анализ института владения в законодательстве Польши является примером сближения романской (институционной) и германской (пандектной) подсистем гражданского права и формирования в конечном итоге единой континентальной гражданско-правовой семьи. Это является еще одним доказательством того, что об институционной и пандектной системах сейчас уже трудно говорить «как о самостоятельных системах. Они составляют лишь две подсистемы единого континентального права» [17, с. 67–68].

Во-вторых, сравнительный анализ законодательства Польши позволяет сделать вывод о том, что правовое регулирование отношений владения имеет не только политико-правовое значение. Закрепление этого института имеет практическое значение не только для регулирования владения как такового, но, главным образом, для упорядочения отношений, возникающих при возникновении права собственности в результате истечения срока приобретательной давности, виндикации имущества и т.д. Это, в свою очередь, свидетельствует о необходимости признания данного правового института гражданским законодательством стран СНГ. Но результаты сравнительно-правового анализа доказывают, что, с теоретической и практической точек зрения, и в соответствии с традицией континентальной системы права владение должно закрепляться именно как независимый правовой институт, не относящийся ни к праву собственности, ни к ограниченным вещным правам.

Список использованных источников

1. Хубуа, Г. Вещное право в Грузии / Г. Хубуа [Электронный ресурс] Гражданское и экономическое право стран Кавказа и Центральной Азии. — URL : <http://www.cac-civillaw.org/land/georgien.ru.html> [15.04.2010].
2. Prawo rzeczowe. Dekret z 11.10.1946 r. [Tekst] // Dziennik Ustaw. — 1946. — Nr. 57. — poz. 319.
3. Правовые системы стран мира. Энциклопедический справочник [Текст] / отв. ред. А. Я. Сухарев. — М. : Норма — Инфра-М, 2001. — 840 с.
4. Kodeks Cywilny z 23.4.1964 r. [Tekst] // Dziennik Ustaw. — 1964. — Nr. 16. — poz. 93.
5. Энциклопедия государства и права [Текст] / под ред. П. Стучка. — М. : Изд-во Ком. Акад., 1925. — Т. 1. — 1239 с.

6. Германское право [Текст]. — М. : МЦФЭР, 1996. — Часть 1. Гражданское уложение. — 552 с.
7. Французский гражданский кодекс [Текст]. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. — 1100 с.
8. Всеобщий гражданский кодекс Австрии [Текст]. — М. : Инфотропик Медиа, 2011. — 272 с.
9. *Богатых, Е. А.* Гражданское и торговое право [Текст] / Е. А. Богатых. — М. : Инфра-М, 1996. — 192 с.
10. *Синицын, С. А.* Защита владения и вещных прав в гражданском праве России и Германии [Текст] : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. юрид. наук : спец. 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» / С. А. Синицын. — М., 2010. — 30 с
11. *Gniewek, E.* Prawo rzeczowe [Tekst] / E. Gniewek. — Warszawa : C.H. Beck, 2003. — 303 s.
12. Гражданское и торговое право зарубежных государств [Текст] : в 2-х т. / отв. ред. Е. А. Васильев, А. С. Комаров. — М. : Междунар. отношения, 2004. — Т. I. — 560 с.
13. *Томсинова, А. В.* Понятие «владение» в Германском гражданском уложении 1900 г.: критический анализ [Текст] / А. В. Томсинова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. — 2011. — № 4. — С. 114–123.
14. *Покровский, И. А.* Основные проблемы гражданского права [Текст] / И. А. Покровский. — М. : Статут, 1998. — 353 с.
15. *Гримм, Д. Д.* Лекции по догме римского права [Текст] / Д. Д. Гримм. — М. : Зерцало, 2003. — 496 с.
16. *Покровский, И. А.* Основные вопросы владения в новом германском уложении [Текст] / И. А. Покровский // Вестник права. — 1899. — № 1. — С. 92–120.
17. Гражданское право [Текст] : [учебн.] : [в 3 ч.] / Н. Д. Егоров [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева и Ю. К. Толстого. — М. : Проспект, 1998. — Ч. 1. — 632 с.

Надійшла до редакції 31.05.2013

Богустов А. О. Поняття та види володіння в законодавстві Польщі

Досліджуються поняття і види володіння в Цивільному кодексі Польщі. Здійснюється порівняння цього поняття в ЦК Польщі 1964 р. і в Декреті про власність 1946 р. Аналізується співвідношення поняття і видів володіння в польському праві і праві Німеччини, Франції та Австрії.

Ключові слова: цивільне право, Цивільний кодекс Польщі, поняття володіння, види володіння.

Bogustov, A. A. The Notion and Types of Possession in the Legislation of Poland

The article examines the notion and types of possession in 1964 Polish Civil Code. A comparison is made between the notion in 1964 Polish Civil Code and in 1946 Polish Decree about property. The article examines correlation the notion and types of possession is in the Polish law and law of Germany, France and Austria.

Keywords: Civil law, 1964 Polish Civil Code, notion «possession», types of possession.

